

Научная статья

УДК 82

DOI: 10.20323/2499_9679_2024_1_36_20

EDN: VSWLGM

Культурная символика образа хризантемы в русской и китайской поэзии. Часть 1

Елена Михайловна Болдырева^{1✉}, Елена Валерьевна Асафьева²

¹Доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Юго-Западного университета. 400715, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2, КНР

²Преподаватель русского языка и литературы, Ярославский колледж управления и профессиональных технологий. 150042, г. Ярославль, Тутаевское шоссе, д. 31а

¹e71mih@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-2977-7262>

²tvist_o@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0933-0068>

Аннотация. Статья посвящена анализу символического потенциала образа хризантемы в китайской и русской поэзии. Хризантема рассматривается как один из важнейших флористических архетипов, выступающий в качестве инструмента исследования закономерностей исторического развития и приобретающий статус метаэстетической категории, которая служит источником новых знаний о культуре. На примере произведений китайских и русских поэтов разных эпох рассматривается своеобразие художественной репрезентации образа хризантемы в лирических текстах и выявляется широкий спектр символических значений данного образа. В первой части исследования анализируются универсальные символические коннотации образа хризантемы, изоморфные для русской и китайской культуры: хризантема как компонент любовного поэтического дискурса, символ нравственной чистоты, материальный эквивалент памяти о любви и расставании (Янь Цидао, Л. Рубальская) и полноправный субъект лирического сюжета, приобретающий статус универсальной бытийной категории, объединяющей природный и человеческий мир (И. Анненский), хризантема как образный атрибут смерти и похорон и одновременно символ преодоления смерти и торжества вечной жизни (И. Анненский, И. Лиснянская, Юань Чжэнь, Хуан Чао), хризантема как воплощение восторженного восхищения жизнью и радостно-праздничного переживания бытия (Н. Тэффи, И. Бунин, Ли Бо, Мэн Хаоран, Гу Тайцин), символ красоты и молодости (Ли Шаньинь, Ю. Левитанский), олицетворение самодостаточности и божественной сущности природы, стремления человека слиться с ней, преодолев суетный житейский мир (Су Ши, Тао Юаньмин, Д. Быков). В процессе анализа обращается внимание на изменение символических коннотаций образа в зависимости от лирической ситуации, от сопутствующих ключевому символу природных, историко-культурных и историко-мифологических реалий.

Ключевые слова: образ хризантемы; культурный символ; флористический дискурс; мифология; аллегория; русская лирика; китайская лирика; философия; мировоззрение; лирический герой

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР

Для цитирования: Болдырева Е. М., Асафьева Е. В. Культурная символика образа хризантемы в русской и китайской поэзии. Часть 1 // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 1 (36). С. 20–34. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2024_1_36_20. <https://elibrary.ru/VSWLGM>

Original article

Cultural symbolism of the chrysanthemum image in russian and chinese poetry. Part 1

Elena M. Boldyreva^{1✉}, Elena V. Asafieva²

¹Doctor of philological sciences, professor, Institute of foreign languages, Southwest university. 400715, Chongqing, Beibei District, Tiansheng Street, 2, Chongqing, PRC

²Teacher of the russian language and literature, Yaroslavl college of management and professional technologies. 150042, Yaroslavl, Tutaevskoye shosse, 31a

¹e71mih@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-2977-7262>

²tvist_o@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0933-0068>

Abstract. The article analyzes the symbolic potential of the chrysanthemum image in chinese and russian poetry. The chrysanthemum is seen as one of the most important floral archetypes, acting as a tool for investigating historical development patterns and acquiring the status of a meta-theoretical category that serves as a source of new cultural knowledge. The works of chinese and russian poets of different epochs are used as the basis for studying the unique artistic representation of the chrysanthemum in lyrical texts and revealing a wide range of symbolic meanings of this image. The first part of the study analyzes the universal symbolic connotations of the chrysanthemum image, which are isomorphic for russian and chinese culture: chrysanthemum as a constituent of love poetic discourse, a symbol of moral purity, a material equivalent of the memory of love and parting (Yan Qidao, L. Rubalskaya) and a rightful subject of the lyrical plot, acquiring the status of a universal existential category that unites the natural and human world (I. Annensky); chrysanthemum as a figurative attribute of death and funeral and at the same time a symbol of survival and triumph of eternal life (I. Annensky, I. Lisnyanskaya, Yuan Zhen, Huang Chao); chrysanthemum as an embodiment of ecstatic admiration of life and joyful and festive experience of existence (N. Teffi, I. Bunin, Li Bo, Meng Haoran, Gu Taiqing), a symbol of beauty and youth (Li Shanin, Yu. Levitansky), personification of self-sufficiency and the divine essence of nature, the desire of man to merge with it, overcoming the mundane world of life (Su Shi, Tao Yuanming, D. Bykov). In the course of the analysis, the authors pay attention to the change in symbolic connotations of the image depending on the lyrical situation, on the natural, historical-cultural and historical-mythological realities accompanying the key symbol.

Key words: image of chrysanthemum; cultural symbol; floral discourse; mythology; allegory; russian lyric poetry; chinese lyric poetry; philosophy; worldview; lyrical hero

The article has been written as part of the work of the Center for Russian-Speaking Countries Studies at the South-west University, the People's Republic of China, the PRC Ministry of Education

For citation: Boldyreva E. M., Asafieva E. V. Cultural symbolism of the chrysanthemum image in russian and chinese poetry. Part 1. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(1):20–34. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2024_1_36_20. <https://elibrary.ru/VSWLGM>

Введение

«В небе цвело серебряное солнце, похожее на хризантему...» [Горький, 1979, с. 23], «две жёлтые хризантемы, два японских солнца...» [Катаев, 1968, с. 256], «Мир теней погасших и поблеклых, хризантемы в голубой пыли...» [Волошин, 1990, с. 73], «О белая, о нежная, живи! Тебя сорвать мне страшно, хризантема...» [Анненский, 1939, с. 143], «Дрожит хризантема, грустя в своём бледно-розовом сне...» [Набоков, 2002, с. 234], «О хризантема, осени цветок, твой гордый дух, вид необычный твой...» [Ли Цинчжао, 1974], «И снова расцветают кусты хризантем...» (Ду Фу) [40句描写菊花的诗句..., 2023] – литературная галерея хризантем поистине неисчерпаема, и подобные цитаты, встречающиеся в творчестве поэтов самых разных стран и эпох, свидетельствуют о том, что образ хризантемы является одним из наиболее значимых и частотных в литературной флористической парадигме. В настоящей статье мы будем рассматривать образ хризантемы как один из компонентов флористического дискурса русской и китайской поэзии, поскольку именно в литературе этих стран интересующий нас образ обладает мощным символическим потенциалом, удивляя читателя порой странными сходствами и не менее удивительными разрывами, расхождениями. Рассмотрение «хризантемного текста» русской и китайской

поэзии и культуры позволит выявить различия в ментальности, в представлении о модели мира и о роли и месте человека в мироздании.

В китайской культуре именно хризантеме принадлежит особое место среди доминирующих флористических символов, не случайно издавна в Китае самыми благородными растениями считаются **四君子** – «четыре благородных»: 兰花 орхидея, 梅花 мэй хуа, 菊 хризантема, 竹 бамбук, эти символы столь часто возникают в поэтическом пространстве китайской культуры, что становятся своеобразной аксиологической мерой мировидения. Символика хризантемы в китайской культуре тесно связана с даосистскими представлениями об устройстве мира (спиральность бытия, преодоление телесности через страдание, отречение от материальности и т. д.): «象征天道。菊花的一种是天地之气交感所生，它让人感觉到天道的存在，因此是天道的象征» [周雪霏, 2006, с. 11] (Она [хризантема] символизирует Путь Неба. Вид хризантемы рождается из соприкосновения Ци неба и земли, заставляет людей чувствовать существование Пути Неба и поэтому является его символом. *Здесь и далее перевод с китайского наш – Е. Б., Е. А.*). Будучи символом осени, этот цветок воплощает идею сопротивления холоду, устойчивости к воздействию негативных энергий и духовную чистоту. Подобные свойства хризантемы отражены не только в культуре, но и в медицине. В древнем Ки-

тае из лепестков и стеблей цветка делали лекарство. Целебные свойства хризантемы применимы не только к болезням тела, но и души: позволяют обрести баланс энергий.

Хризантема является символом многих национальных китайских праздников, посвященных культу природы. Наиболее значимые из них – Праздник Двойной Девятки и Холодные росы. Считается, что хризантема, обладая морозостойкостью и целебными свойствами, противостоит влиянию злых духов на человека. Ян, олицетворяющий мужское начало, светлую энергию Космоса, активизируется в девятый день девятого месяца, поэтому баланс энергий нарушается, и человек ослабевает, подвергаясь болезням и тела, и души. А хризантема и приготовленные из нее продукты – чай, пирог, вино – помогают восстановиться. В Холодные росы хризантема символизирует богатство, процветание, гармоничное начало вселенной и божественную энергию, дарующую человеку долголетие и покой, поэтому в период этого сельскохозяйственного праздника по всему Китаю проходят выставки хризантем.

Значительно реже хризантема выступает в китайской культуре как цветок смерти. Тем не менее, иногда этими цветами украшают могилы, но не в знак скорби, а в знак бессмертия души. Специфика восприятия смерти свидетельствует об отсутствии в ней глубокого трагизма, свойственного в большей степени европейской культуре.

В русской культуре хризантема чаще всего имеет преимущественно положительные коннотации: любовь, радость жизни, достаток и благополучие, силу духа, уверенность в себе и т. д. Реже хризантема олицетворяет смерть и входит в состав погребальных букетов и венков. Ее символическое значение именно в культуре отражено в значительно меньшей степени по сравнению с китайской. Это обусловлено православной традицией, исключая пантеистическое начало растительного и животного мира. Поскольку хризантема в России стала культивироваться лишь в XIX в., мы не находим упоминание о ней в древнерусской литературе или фольклоре, когда языческое сознание было еще сильно и выражалось в сакрализации образов природы. Однако это не исключает функционирование хризантемы в русской поэзии, которая, в свою очередь, также является частью культуры и порождает либо собственные значения образа цветка, либо обращается к культуре мировой.

Исследованию флористического поэтического дискурса посвящены многие работы отечествен-

ных и зарубежных литературоведов [Щербаков, 2010; Тропкина, Сурьянинова, 2018; Будянская, 2018; Архипова, Куроедова, 2021, Ши Хан, 2012; Говенько 2013; Donnell, 2018 и др.], некоторые из которых рассматривают образ хризантемы как компонент флористического кода [周雪霏, 2006; 姚红霞, 2011; 张荣东, 2008; 张荣东, 2010; 彭镇华, 江守和, 2001; 黄光, 2014; Изотова, 2017; Калиниченко, 2012; Черепенина, 2014]. Однако в данных работах преобладает анализ локального эмпирического материала, выявлен далеко не весь спектр символических значений образа хризантемы и не представлено концептуально-комплексное осмысление данного образа в русской и китайской поэзии. Цель нашего исследования состоит в том, чтобы из отдельных поэтических текстов воссоздать «мегатекст», смысловым ядром которого будет выступать образ хризантемы, отражающий как важные аспекты и тенденции национальной культуры России и Китая, так и уникальные художественные миры русских и китайских поэтов. Проанализировав большой корпус поэтических текстов представителей российской и китайской словесности, где фигурирует образ хризантемы (Ли Бо, Ду Фу, Тао Юаньмин, Янь Цидо, Юань Чжэнь, Хуан Чао, Мэн Хаоран, Гу Тайцин, Ли Шаньинь, Су Ши, Хуан Чао, Ло Инь, Цинь Гуань, В. Маяковский, М. Волошин, Г. Иванов, И. Анненский, О. Мандельштам, И. Бродский, И. Бунин, Н. Тэффи, Н. Агнiewicz, Л. Рубальская, Д. Быков, И. Лиснянская, Ю. Левитанский, В. Странник, Г. Корин и др.), мы выделили следующие составляющие «хризантемного текста» русской и китайской поэзии. В первом комплексе текстов реализуются универсальные символические коннотации образа хризантемы, изоморфные для русской и китайской культуры, такие как любовь, смерть, источник радости и средство преобразования приземленного предметного мира, молодость и жизнь, самодостаточность и вечная жизнь природы. Вторая семантическая группа включает в себя символические значения с уникальной национальной спецификой, имеющие определенные культурно-исторические, социально-политические или философские детерминанты: семантика мужества и стойкости духа, вселенской тоски и экзистенциального одиночества, возникающая в пространстве китайской поэзии, и аллегория порочной буржуазной культуры в соцреалистическом плакатном дискурсе. Наконец, в третьем комплексе текстов реализуются различные варианты индивидуально-

авторской символики, когда хризантема, включенная в сложную систему межтекстовых связей, приобретает в рамках художественного мира поэта свойственные только ему значения, становясь воплощением искусства, поэзии и метафизичности пространственно-временного континуума.

«Жизнь моя! Наедине с хризантемой замру в тишине...»: хризантема как компонент любовного поэтического дискурса

В любовном «поэтическом» дискурсе «язык цветов» распространен весьма широко. Это может быть связано с восприятием женского начала как флористического – такого же красивого, нежного и уязвимого, но одновременно коварного и обманчивого. Многие флористические образы приобрели устойчивые символические значения в аспекте любовной тематики (алая роза – любовь, черная – печаль, желтая – измена, лилия – нежная любовь, невинность, целомудрие, гвоздика – страсть и т. д.). В ряде стихотворений русских и китайских поэтов этими символическими значениями наделена и хризантема, которая не обладает уникальным смыслом, а, скорее, дублирует значения других цветов (в основном розы), более распространенных в любовной лирике, и варьирование ее семантики обусловлено цветовой гаммой: так, например, красная хризантема часто символизирует любовь, а желтая – разлуку.

В стихотворении Яня Цидао «Когда цветет желтая хризантема» лирический герой вспоминает о былой любви, где герои «делились своими самыми сокровенными желаниями» [菊花名句, 2024], стоя у куста с желтыми хризантемами. Здесь любовь предстает как сакральный союз между мужчиной и женщиной, разрушенный временем и обстоятельствами. На сакральность указывает и цвет хризантем – желтый. Согласно традиционной китайской культуре, он является символом «святости, набожности и торжественности» [Лю Юйхуэй, Ян Хайюнь, 2020, с. 39]. Кроме того, буддийские и даосистские монахи облачаются в желтые одежды, поскольку одни считают его символом Хуанди, другие – светом Будды. В стихотворении цветы становятся материальным эквивалентом памяти о любви и расставании: «Когда цветет желтая хризантема, больно собираться и расходиться» [菊花名句, 2024]. Переполняемый противоречивыми чувствами, герой осознает, что с утратой возлюбленной жизнь потеряла для него цвет и очарова-

ние, герой стал несчастным и приземленным: «Я больше никогда не видел Цзинь Ина. Небо далеко от меня» [菊花名句, 2024]. Рассуждая о том, насколько легко создать пару, герой также осознает, насколько тяжелым может быть расставание, однако святость любви не подвергается сомнению, подобно великолепию хризантем. Идиома «罗带同心闲结遍» указывает на единство сердец героев, нравственную чистоту. На чистоту также указывают и образ хризантемы, и образ мужских слез на бумаге, когда герой становится беспомощным в вербальном выражении собственных эмоций. Следует также отметить, что перманентность многолетних и устойчивых к морозу хризантем в тексте противопоставлена мимолетности любви и текучести времени. Таким образом, хризантема становится символом любви, памяти, вневременности и нравственной чистоты.

В русской поэзии хризантемы обладают схожей семантикой. Цветок как символ памяти о былой любви, только несчастной, представлен в стихотворении Л. Рубальской «Моя душа настроена на осень» [Рубальская, 2023, с. 61]. Подобно герою Яня Цидао, героиня Л. Рубальской преодолевает пространственно-временной барьер и погружается в прошлое. Однако воспоминания воскрешают не сами цветы, а «короткий миг сгорающего дня» и «осень». Любовь героини была столь же короткой, как осенний день, и в большей степени несчастной. Хризантемы в свою очередь становятся для нее символом освобождения, поскольку, когда они расцветают, она осознает, что скинула бремя любви:

В тот день в саду проснулись хризантемы
И были так беспомощно-нежны...
Когда вы вдруг коснулись вечной темы,
Я поняла, что вы мне не нужны
[Рубальская, 2023, с. 61]

Характеризуя отношения мужчины и женщины до момента появления хризантем и после, Л. Рубальская меняет ритмический рисунок текста, разделяя жизнь героини на два периода – любовное рабство и независимость. Когда герой был холоден, героиня, напротив, нежна и беззащитна, когда герой изменял – героиня хранила верность и терпела. С течением времени все изменилось, и когда герой уподобился нежным хризантемам, та, что любила его и терпела, осознала, что ее чувств не осталось – «Мне хорошо, но я вас не люблю» [Рубальская, 2023, с. 61].

Возвращаясь в реальность, героиня вступает в диалог с бывшим возлюбленным и говорит ему, что ни о чем не жалеет и рада, что смогла остаться верной и чистой, как цветущие хризантемы, и этот опыт помог ей осознать собственную ценность.

Хризантема как символ любви не исчерпывается привычной парадигмой взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Любовь может пониматься как союз природных явлений в стихотворении «Хризантемы октября» В. Странника [Странник, 2023], где поэт воспроизводит идиллический пейзаж, в котором субъектами любви выступают ветка хризантемы и листопад. Кружащиеся в танце осени, они противостоят холоду и увяданию, а герой, наблюдая за ними, воскрешает в сознании воспоминания о былой любви. Возникающий образ сгоревших мостов свидетельствует о безвозвратности прошлого и утрате любовных переживаний, однако воспоминания, подобные ярким листьям осени и лепесткам хризантем, возвращают на короткое время герою его любовь. Обращаясь к незримой собеседнице, он сообщает, что хризантемам ведомы его признания, и что любовь его такая же морозостойкая, как эти цветы: «Вам, о моих в любви признаньях, / Расскажет музыка цветов» [Странник, 2023].

Хризантема, являющаяся символом самодостаточности и красоты, в ряде текстов сама может выступать объектом любви. Подобную лирическую ситуацию можно встретить в стихотворении И. Анненского «Мелодия для арфы». Отношения цветка и лирического героя напоминают любовь Розы и Маленького принца – наивную, платоническую, искреннюю. Подобно герою А. де Сент-Экзюпери, герой Анненского желает заботиться о своей единственной хризантеме, оберегать ее, наслаждаться ее красотой. Идея бессловесности указывает на символическую природу цветка, которую произнесенные слова могут разрушить и лишить ее божественного воплощения. Цвет хризантемы указывает на ее невинность и нравственную чистоту, свойственную неземным созданиям. Любовь же уподобляется музыке, сближающей поэзию и природу. В надежде сохранить невинность хризантемы, герой обрекает ее на одиночество:

Но я хочу, чтоб ты была одна,
 Чтоб тень твоя с другою не сливалась
 И чтоб одна тобою любовалась
 В немую ночь холодная луна...
 [Анненский, 1939, с. 143]

Неприкосновенность хризантемы делает ее практически эфемерной, поэтому попытку оградить цветок от всех внешних контактов и оставить ее наедине с космическим (луной), следует воспринимать не как эгоизм героя, а как попытку спасти от разложения, нравственного и физического.

Таким образом, в русской и китайской поэзии хризантема как символ любви сочетает в себе ряд различных качеств: с одной стороны, хрупкость, нравственную чистоту, эфемерность, красоту, духовность, с другой – устойчивость к холоду забвения, самодостаточность, гордость, беспристрастность и внешнюю отстраненность. Чаще этот образ сопряжен с расставанием, несчастной любовью и невозможностью взаимопонимания между мужчиной и женщиной. Но если в китайской лирике образы хризантем аккомпанируют традиционным любовным лирическим сюжетам, воссоздающим отношения между мужчиной и женщиной, то в русской поэзии хризантемы в аспекте любовной тематики приобретают более широкие символические коннотации, сами становясь полноправными субъектами любовного поэтического дискурса и приобретая статус универсальной бытийной категории, объединяющей природный и человеческий мир.

«Нагнулся взглянуть на увядший цветок хризантемы»: мортальная символика хризантемы в русской и китайской поэзии

Во многих культурах мира смерть считается сакральным таинством, связанным с переходом человека из одного состояния в другое. В связи с этим существуют погребальные традиции, призванные помочь душе перейти в иной мир. Практически ни одна похоронная процессия не обходится без цветов, которые воспринимаются не только как дань памяти или эстетический атрибут, но и имеют символическое значение. Цветы для усопшего выбирают исходя из пола, возраста, рода деятельности, и в каждом случае их символическое значение уникально. Одними из наиболее универсальных погребальных цветов принято считать хризантемы – желтые или белые, и в стихотворениях многих русских и китайских поэтов хризантема становится устойчивым образным атрибутом смерти и похорон.

В стихотворении И. Лиснянской «Голос» [Лиснянская, 2006, с.102] лирическая героиня, утверждая, что смерти нет, испытывает вместе с тем бессознательный страх перед неизбежным. Понимая, что жизнь не так хороша, как рай, она,

тем не менее, цепляется за радости земного мира – дом, сигареты, творчество. Загробный мир описан как место, где душе будет благостно рядом с Богом, где играет музыка, и ангелы с белоснежными крыльями охраняют покой усопших. Собственная конечность воспринимается героиней как трагедия:

О Боже, к Тебе приду
В горе, что признаю, –
Мне лучше в земном аду,
Чем у Тебя в раю.
[Лиснянская, 2006, с. 102]

Ангела смерти героиня воссоздает не как Гавриила или демонического Абадонну, а как могилу: «Крыла твои – камыши, / Плеча твои – перегной» [Лиснянская, 2006, с. 102]. Все представления о смерти показаны сквозь призму ограниченного земного сознания, однако тональность текста меняется, когда голос героини умолкает и возникает голос ее близкого почившего человека. Заросший холм становится храмом:

Блестит в снегу твоя могила,
Как храм из хризантем.
[Лиснянская, 2006, с. 102]

Голос из-под земли говорит ей о том, что жизнь – это не свет, а холод: «Не сорок дён, / А сорок зим – душе до берега» [Лиснянская, 2006, с. 102], а истинная жизнь в раю, и все, что материально, несет холод, на что указывает образ гроба-ковчега, который тоже защитил душу на сорок дней в земном мире от червей и влаги. В свою очередь хризантемы, будучи не только органичными, но и морозостойкими, в данном случае символизируют бессмертие и торжество вечности. Они напоминают земным созданиям, что придет час, когда их земное эхо станет голосом истины, а окна дома станут окнами рая.

Символом торжества вечной жизни хризантемы являются и в стихотворении И. Анненского «Хризантема» [Анненский, 1939, с. 116]. Наблюдая за низкими облаками, герой погружается в воспоминания о похоронах. Смерть проникает в пространство и овладевает сознанием героя полностью. В настоящем он акцентирует свое внимание на умирающем солнце: «Пламя пурпурного диска/Без лучей и без теней» [Анненский, 1939, с. 116]. Тем не менее, свет его борется с траурными конями облаков и временами пробивается: «Что-то чуткое в короне / То померкнет,

то блеснет...» [Анненский, 1939, с. 116]. Корона – символ самодержавной императорской власти, поэтому жизнь отстаивает свои права на главенство в мироздании. Во второй части текста солнце уподобляется хризантеме:

И казалось мне, что нежной
Хризантема головой
Припадает безнадежно
К яркой крышке гробовой...
[Анненский, 1939, с. 116]

Подобно тому, как в первой части светило борется с облаками, затмевающими его свет, цветок хризантемы прикасается к смерти. Его нежный цвет противопоставлен яркому цвету гроба, символизирующего конец всего. Природа служит смерти – позднее лето, бледно-желтый цвет, увядающий венок. Очевидно, что заканчивается лето, вместе с которым все теплое и цветущее отдает свои права холоду подступающей осени. Однако хризантема, как мы уже не раз отмечали, – морозостойкий цветок, и осенью она становится пышнее и прекраснее. Несмотря на внешнюю «безнадежность» происходящего, ей все же удастся остаться бессмертной. На это указывает метафора круга, возникающая в финале текста:

И что два ее свитые
Лепестка на сходнях дрог –
Это кольца золотые
Ею сброшенных серег.
[Анненский, 1939, с. 116]

Кольцо в данном случае символизирует круг – то есть бесконечность и цикличность. Золотой цвет соотносится с божественным началом, духовностью, и в поэзии И. Анненского противопоставлен желтому: «Желтый цвет у Анненского нигде не связан как эпитет с семантическим полем слова «солнце», он не является синонимом золотому. У Анненского присутствует не блеск золотой желтизны, а матовость медового тона» [Иванова, 2018]. Золотые серьги, притом «свитые», на наш взгляд символизируют единство жизни и смерти. Серьги – это парный предмет, соответственно смерть – это не конечный этап, а точка опоры для новой жизни. Солнце умрет, но лишь на несколько часов. Событие умрет, но воскреснет в памяти. Хризантема завянет, но расцветет новая. У смерти есть только физическое начало в материальном мире, поэтому

окружающий мир описан в пурпурных и бледно-желтых тонах, что в контексте творчества И. Анненского является смертельными маркерами. Тем не менее, помимо иллюзорной суетной земной жизни существует мир Истины, находящийся за пределами земной материи. Однако осознание конечности не позволяет человеку ощутить счастье при жизни, и потому он все время пребывает в тревоге и суете. Он не может замедлиться и созерцать. Так, в другом стихотворении И. Анненского «Кэк-уок на цимбалах» [Анненский, 1939, с. 221] земная жизнь представлена как пляска на гробу. Сами цимбалы имеют форму трапеции, такую же, как гроб. И весь лирический сюжет представлен как вспышки памяти в момент, когда тело заколачивают. Удар – и ты пьешь мокка (мокко), еще удар – и «стали звоны ропотом, ропотом», а в конце «Мах да мах, / Жизни... ах, / Как и не бывало» [Анненский, 1939, с. 221]. Но в стихотворении молоточки, прикасаясь к гвоздям, вколачиваемым в крышку гроба, создают ритм, то есть музыку, которая в контексте творчества И. Анненского является спасением от смерти. В стихотворении «Хризантемы» подобной семантикой наделен цветок, который, прикасаясь к вместилищу мертвого тела, обеспечивает спасение души через память, поэзию и красоту.

Хризантема как символ смерти представлена и в китайской лирике, однако не так широко, как в русской. Это связано с солнечным началом цветка в азиатской культуре. Цветами смерти в Китае принято считать белые ирисы или орхидеи. Одним из примеров смертельного контекста образа хризантемы является стихотворение Юань Чжэня «Хризантема». Дом, окруженный изгородью кустов, воспринимается как храм, освещенный косыми лучами солнца. По тому, как они падают, можно понять, что цветам недостает тепла и света: «солнце косо падает на живую изгородь» [菊花名句, 2024]. Косые лучи знаменуют приход зимы – время, когда умирает природа, а на смену дня приходит ночная мгла. Какими бы стойкими ни были хризантемы, даже они не в силах обмануть время, хоть и отцветают последними. Гибель цветов лишает героя любви и надежды: «Я люблю хризантемы, но они больше не цветут» [菊花名句, 2024]. Здесь, на наш взгляд, содержится ключевая для китайской культуры идея притяжения естественного миропорядка. Отстраненно наблюдая за гибелью хризантем, герой не предпринимает попыток ее спасти, укрыть от мороза. Таким образом, он не

вмешивается в естественное течение времени, сохраняя равновесие между светом и тьмой, жизнью и смертью, осознавая, что спустя время зацветут новые хризантемы и годовой цикл сделает новый виток.

Несколько иное значение приобретает хризантема в одноименном стихотворении Хуана Чао, где цветок становится препятствием к жизни. Герой выражает протест ветру, хаотично разбросавшему семена. Проросшие хризантемы заполнили все пространство: «Пронизывающий западный ветер заполнил двор хризантемами, и бабочкам трудно прилететь» [菊花名句, 2024]. Бабочки в китайской культуре символизируют любовь, счастье, страсть, душу и т. д. В данном случае образ насекомого противопоставлен образу цветка, поэтому можно предположить, что в контексте хризантема символизирует беспристрастность, приземленность, вечность, в то время как бабочка – свободу, мгновение, эмоциональность. Герой, испытывающий досаду, надеется ограничить влияние цветов, чтобы они не создавали помеху: «Если в следующем году я стану Зеленым императором, то доложу, чтобы персиковые цветы распустились в одном месте» [菊花名句, 2024]. Персиковый в данном случае обозначает цвет бутона, поскольку хризантемы в природе имеют разнообразные оттенки. Под Зеленым императором подразумевается, вероятнее всего, Нефритовый император – верховное божество в даосизме, способное повелевать природой, пространством и временем. Таким образом, герой в тексте претендует на роль творца, единственного, кто способен вмешиваться в естественный ход вещей. Подобные мотивы крайне нетипичны ни для культуры Китая, ни для поэзии, поскольку нарушают нормы божественного порядка.

Таким образом, хризантема как символ смерти в русской поэзии представлена значительно шире, чем в китайской. Это может быть связано с философским осмыслением понятия «смерть», которое фактически нивелируется концепцией спиральности бытия в китайской культуре. Идея бессмертия есть и в русской литературе и культуре, однако герои И. Анненского или И. Лиснянской, веря в существование иного, светлого мира, все же воспринимают физическую смерть как трагедию и боятся покинуть границы тела. Хризантема чаще всего представлена как символ бессмертия души или инструмент преодоления физического распада. В китайской лирике хризантема является символом смены природных циклов и знаменует

смерть тепла и лета, что является естественным процессом и способствует развитию мироздания и человеческой души.

«Небо дремлет, зарывшись в серебряный лес хризантем»: хризантема как символ «живой жизни» и радостно-праздничного переживания бытия

Цветы – символ счастья, зарождения жизни, радости и благополучия. Их цвет и аромат чаще ассоциируются в сознании человека с положительными эмоциями и событиями. Подобные ассоциации связаны с традицией дарить цветы на праздники и торжества. Поэтому во многих стихотворениях русских и китайских авторов хризантема является символом праздника, счастья и жизни во всем ее многообразии.

В стихотворении Н. Тэффи «Вянут лилии, бледны и немые...» [Тэффи, 2023, с. 118] хризантемы становятся символом неподдельной радости перед приходом зимы:

Вянут лилии, бледны и немые...
Мне не страшен их мертвый покой,
В эту ночь для меня хризантемы
Распустили цветок золотой!
[Тэффи, 2023, с. 118]

Здесь, на наш взгляд, заключена идея освобождения от райской жизни, воплощенная в образе белых лилий. Согласно христианской традиции, эти цветы произрастали из слез, пролитых Евой в райском саду в знак сожаления о грехопадении. С того времени в европейской и еще ряде культур белая лилия стала символизировать нежность, непорочность и нравственную чистоту, заключенную в женском воплощении. На подобные коннотации указывает и метафора «бледных лилий печальный и чистый / Не томит мою душу упрек...» [Тэффи, 2023, с. 118]. Таким образом, хризантема, расцветшая ночью и противопоставленная образу лилии, символизирует богатство и свободу жизни вне божественного сада. Мотив утраченного Рая звучит в стихотворении не как сожаление изгнанной Евы, а, скорее, как счастье Лилит, которая хотела стать такой же смертной, как все дочери Евы, потому что осознание конечности жизни позволяет больше ее ценить и пользоваться всеми ее дарами, например, «сладострастной мечтой». Рай, где цветут лилии, выступает как символ вечности – скучной и однообразной. Земной же сад, в котором торжествуют хризантемы, знаменуют хоть и

конечную, но яркую жизнь, наполненную эмоциями и красотой:

Радость знойная! Солнце востока!
Хризантемы цветок золотой!
[Тэффи, 2023, с. 118]

Восторженную радость жизни, которая воспринимается как неожиданное чудо, мы видим и в стихотворении И. А. Бунина «На окне, серебряном от инея...» [Бунин, 2014, с. 107], где лирический герой полон удивления, созерцая красоту природы. В сознании человека, лишённого поэтического восприятия мира, зима чаще соотносится с холодом и смертью природы, однако в тексте это время зарождения нового, таинственного и волшебного:

На окне, серебряном от инея,
За ночь хризантемы расцвели.
[Бунин, 2014, с. 107]

Появление цветов воспринимается сознанием героя как чудо. Здесь, на наш взгляд, содержится идея о том, что зима – символ праздника, возможно, приближающегося Рождества, где все чудеса происходят неожиданно и по преимуществу в ночное время. Подобные догадки становятся очевидными, поскольку с появлением хризантем лирическое пространство оживляется: «Всходит солнце, бодрое от холода, / Золотится отблеском окно. / Утро тихо, радостно и молодо...». Однако вслед за мимолетной радостью следует осознание конечности всего сущего: «И все утро яркие и чистые/Буду видеть краски в вышине, / И до полдня будут серебристые / Хризантемы на моем окне» [Бунин, 2014, с. 107]. Неизбежная гибель хризантем воспринимается лирическим сознанием как закон естества, поэтому трагическая тональность отсутствует. Напротив, серебряные хризантемы становятся еще более притягательными и ценными, в противном случае их явление и гибель не были бы чудом. Подобное стихотворение, на наш взгляд, можно рассматривать как «откровение о сладости красоты жизни как высшей ценности и ее благодарное приятие» [Жёлобов, 2011, с. 85], свойственное всему творчеству И. Бунина. Здесь хризантема является еще и символом искусства, преображающего действительность, когда морозный след на стекле воспринимается как волшебный цветок, как произведение искусства, со-

зданного природой и воспринятого чутким поэтическим взором художника.

В китайской поэзии хризантема чаще всего соотносится с радостью и праздничным ликованием в контексте национальных традиционных праздников. Праздник Двойной Девятки (重阳节) – один из наиболее значимых событий китайской культуры. Он отмечается ежегодно в девятый день девятого лунного месяца. Считается, что в этот день активизируется и удваивается энергия Ян, олицетворением которой является число девять. Этот день особенно опасен, поскольку нарушает гармонию мира и баланс энергий, поэтому люди стараются всячески защититься от грозящих бед. Таким своеобразным оберегом является хризантема, которая символизирует бессмертие, победу над тьмой. Согласно одной из легенд, с помощью этого цветка Фэй Чанфан – даосский монах, который обрел вечную жизнь благодаря практикам – спас своего ученика и всю его семью от гибели, наказав выпить хризантемового вина и уйти в горы. С тех пор в девятый день девятого месяца принято пить вино из этих цветов и делать из них же слоеные пироги – символические горы. Восхождение также является одной из традиций этого праздника. Выпивая напиток из хризантем, вино или чай, поднимаясь на возвышенность, человек, таким образом, приближается к божеству и ощущает себя защищенным от вмешательства в свою жизнь неприятностей и сил зла.

Этот праздник находится в центре внимания многих китайских поэтов. Так, в стихотворении Мэн Хаорана «Проходя мимо деревни старика» герой радуется визиту в живописную деревню: «Зеленые деревья вплотную подступили к деревне, а зеленые холмы косо уходят за околицу» [40句描写菊花的诗句..., 2023]. Первозданность природы, глушь китайской деревни вызывают в герое ощущение счастья и полноты жизни. Возможность побыть вдали от суеты напоминает герою о фестивале Чунъян (Праздник двойной девятки), символом которого является хризантема, олицетворяющая божественную энергию и гармонию мироздания: «В день праздника Чунъян я вернусь, чтобы насладиться хризантемами» [40句描写菊花的诗句..., 2023].

Подобные идеи содержатся и в стихотворении Ли Бо (李白) «В десятый день девятого месяца». Лирическое повествование разворачивается на следующий день после Праздника Двойной Девятки: «Вчера я взошел на вершину горы, а сего-

дня снова поднимаю свой кубок» [菊花名句, 2024]. Праздник Чунъян часто совпадает с Холодными росами (寒露) – семнадцатым сезоном сельскохозяйственного китайского календаря. В этот период по всей стране организуют выставки хризантем, символизирующих молодость и долголетие, связанных с морозостойкостью цветка. Восхождение в гору также обеспечивает долголетие и успех в делах. Герой дважды «поднимает кубок», поскольку в первый раз делает это в честь Праздника Двойной Девятки, во второй – в знак соблюдения обычаев Холодных рос. Таким образом, он вдвое преумножает сакральные свойства хризантемы, которая обладает бесконечным энергетическим потенциалом: «Хризантемы слишком горьки, чтобы страдать от этого двойного восхождения» [菊花名句, 2024].

Хризантема в китайской поэзии символизирует не только Праздник Двойной Девятки, но и Дуанью (端午节), или фестиваль Драконьих лодок, знаменующий переход от весны к лету. В стихотворении Гу Тайцина «Хризантема на фестивале драконьих лодок» лирический герой созерцает природу в павильоне храма. Священный покой этого места способствует особому восприятию мира, улавливающему детали окружающей действительности – легкий искусственный ветер, аромат сандала (символа мудрости и духовного просветления), вишни. Пребывая в одиночестве, герой задумывается о природной гармонии, заложенной в человеке. Чувственное восприятие не позволяет ему задаваться вопросами, когда какое время года наступит – все в мире органично. И воплощением этой органичности являются майские хризантемы: «Старый сад хорошо поддается обработке, и в мае цветут хризантемы» [菊花名句, 2024]. Май – это время, когда хризантемы высаживают, весной они не могут зацвести, поэтому распутившиеся бутоны существуют только в воображении лирического героя, который, обладая сильным природным началом, видит конечный результат – красивый плодородный сад с проросшими семенами.

Таким образом, в русской и китайской поэзии и культуре образ хризантемы связан с ощущением праздника и восторженно-радостного упоения жизнью. В текстах русских поэтов хризантема воплощает в себе яркость и полноту жизни, чувственность и страстность ее переживания на фоне ощущения скоротечности бытия. У китайских поэтов хризантема является образным атрибутом календарных праздников и служит симво-

лом единства мироздания, гармонии в человеке и в природе.

«Осенью поздней ни один не сравнится цветок с белою хризантемой»: хризантема как олицетворение молодости и красоты

В традиционной китайской культуре хризантема относится к одному из четырех благородных растений и символизирует солнечную энергию. Существует легенда о жестоком китайском императоре, который боялся стареть, и узнал от лекаря, что на дальнем острове существует цветок, из которого варят эликсир молодости. Этим цветком была хризантема, символизирующая солнце и долголетие. Подобные идеи находят отражение как в русской, так и в китайской поэзии, поэтому в ряде текстов хризантема является символом молодости. В стихотворении Ли Шаньиня «Хризантема» описывается живая изгородь:

Темно- и бледно-фиолетовый, тающий и тлеющий желтый.

Цвет живой изгороди Тао Линь, аромат дома Ло Хань [菊花名句, 2024].

Цветовые оттенки, на наш взгляд, имеют не только прямое, но и символическое значение, показывая жизнь в различных ее проявлениях. Краски могут соотноситься с различными эмоциями и событиями, сопровождающими человека на протяжении всего земного пути. Чем человек моложе, тем ярче ощущает вкус жизни, острее реагирует на перипетии судьбы, появление или утрату других людей. С возрастом его чувства притупляются, а на смену радости приходит страх перед неизбежным, поэтому герой признается, что «боится заката». Подобно тому, как сумрак скрывает яркие краски цветов, закат жизни скрывает красоту человека – очертание лица, фигуры, блеск глаз. Физическая старость живет мечтой о бессмертии души, и потому герой желает «стать золотым попугаем и вознестись в зал Белого нефрита!» [菊花名句, 2024]. На пороге смерти он задумывается о том, как душа его, подобно птице, вознесется к Нефритовому Императору (Юй-ди) – властителю человеческих судеб, верховному божеству даосистов. Хризантемы здесь выступают как посланники из мира богов, они олицетворяют Путь Души и являются проводником между земным и небесным миром.

Хризантема как символ красоты, жизни и молодости встречается и в русской поэзии. Так, в стихотворении Г. Корина «Мы состарились, два старика» [Корин, 1981, с. 29] изображены старый пес и его хозяин. С течением времени шерсть животного потускнела, бока стали седыми, как волосы героя. Императорский ши-тцу сам по себе олицетворяет хризантему благодаря своей атласной шерсти и восходит к наиболее древним породам собак. Несмотря на то, что хозяин называет питомца «японцем», корни происхождения породы уходят в Китай, а точнее, в Тибет. Существует легенда, будто бы ши-тцу являлся спутником Будды и обладал способностью превращаться в льва (название породы с китайского переводится как «львенок»). Погружаясь в воспоминания, герой сосредотачивает свое внимание на силе, ловкости и красоте пса:

Молодым ты взлетал на кровать
Черным пышным цветком хризантемы
[Корин, 1981, с. 29]

Хризантема в этом стихотворении воплощает не только молодость и красоту, но и становится символом величия и самодержавной власти. Появившиеся в Китае в XVII, императорские ши-тцу разводились исключительно при дворе китайских императоров и подчеркивали их статус. Поэтому хозяин выражает почтение своему псу, смотрит сквозь пальцы на его поведенческие изъяны и оберегает от стресса: «А прикрикнуть, тебя наказать / Не могу, и уста мои немые» [Корин, 1981, с. 29].

Хризантема – многолетнее растение, поэтому одно из ее символических значений – вневременность, вечность. Красота хризантемы как бы неподвластна времени, и даже спустя многие годы она не теряет свое очарование и способна вернуть красоту и молодость любому, кто обратит на нее внимание. В стихотворении Ю. Левитанского «Сквозь годы» [Левитанский, 2023, с. 48] уже немолодой лирический герой прогуливается по рынку и слышит в свой адрес разные возгласы продавцов – «молодой человек», «мужчина», «папаша», «дедуля». Характер номинаций проводит его «сквозь годы» от молодости до старости, и чем «моложе» условное обозначение героя, тем привлекательнее товар. В этом отношении самыми привлекательными оказываются хризантемы, поскольку они соотносятся с молодостью и красотой: «И я малодушно, / едва ль не бегом, / возвращаюсь туда, / где продают ненуж-

ные мне/хризантемы, / в тайной надежде / снова услышать – / молодой человек, / молодой человек!» [Левитанский, 2023, с. 48]. Так, благодаря своему свойству к «омоложению» бесполезный, казалось бы, товар становится самым желанным и «замечательным».

Таким образом, хризантема как символ молодости и красоты получила широкое распространение как в русской, так и в китайской культуре и литературе. С одной стороны, она воплощает физическую силу, внешнее великолепие, с другой – молодость души, ясность ума, жизнь во всех ее проявлениях. Молодость и красота хризантемы сакральны и восходят к мифопоэтическому образу солнца, а реальные ботанические характеристики хризантемы – морозостойкость и многолетнее цветение – обуславливают ее связь с мотивами памяти и преодоления скоротечности времени.

**«Журавли прилетели, крылами луг осенив.
Желтые хризантемы...»: хризантема как
символ самодостаточности и божественной
сущности природы**

Еще одно устойчивое символическое значение хризантемы в русской и китайской поэзии связано с многовековой традицией восприятия природы как храма, самодостаточной божественной сущности, говорящей с человеком на языке символов, ибо божеству неведома судная человеческая речь. Человек, который стремится к единению с природным началом, должен отвергнуть социальные нормы и научиться видеть мир иначе, и только тогда он обретет гармонию со всем сущим и достигнет свободы и нравственно-го очищения.

В стихотворении Тао Юаньмина «Пить вино» лирический герой, находящийся вдали от суеты, неспешно собирает хризантемы. Пространство его бытия – вне земли: «У меня есть хижина в мире людей, но нет шума карет и лошадей», «Сердце далеко от земли» [40句描写菊花的诗句..., 2023]. Хризантемы служат для него мостом из суетного, хоть и уединенного мира, в котором существуют смертные, в мир эфемерный, где существует только природа, в своем безмолвном великолепии: «Горный воздух хорош днем и ночью, и птицы возвращаются друг к другу» [40句描写菊花的诗句..., 2023]. Человек, проникая в этот мир, должен оставаться незамеченным, поскольку он подменил свое природное начало социальным. Бессло-

весность здесь является залогом непреложности и непосредственности восприятия. Любой звук, рожденный человеком, нарушает первозданную тишину, а счастье воспринимается героем как чистое созерцание и невмешательство: «В этом есть истинный смысл, который хочется разглядеть, но невозможно выразить» [40句描写菊花的诗句..., 2023]. Рассматривая хризантемы, герой еще больше погружается в покой сельского края и нравственно обогащается, отвергая суетный мир.

Хризантема как символ самодостаточного природного миропорядка появляется в стихотворении Су Ши «Подарок Лю Цзинвэню». Смена времен года представлена в тексте как непреложный мировой закон, в основе которого – цикличность и гармония всех элементов мироздания – стихий: «Лотос уже отцвел, а хризантема еще держит ветви, гордые от мороза» [菊花名句, 2024]. Человек может только принять мировой порядок и извлекать пользу из всего, что дает ему жизнь. Осенняя пора, уничтожая лотосы, приближает праздник: «Вы должны помнить о хороших временах года, прежде всего о времени апельсинов, желтых цветов и мандаринов» [菊花名句, 2024]. В китайской культуре много праздников посвящено именно культу природы: праздник Двойной девятки (重九节), в который принято пить вино из хризантем, чтобы уменьшить влияние разрушительной энергии Ян, праздник Середины осени, где китайцы благодарят природу за щедрые дары. Эти события предшествуют китайскому Новому году, символами которого являются апельсины и мандарины, дарующие удачу и процветание. «В китайской культуре восприятие времени <...> сочетает в себе линейное и циклическое начало, связанное с мифологическими и основанными на них философскими представлениями о разворачивании бытия в форме спирали» [Сериков, 2016, с. 55]. Проходя круг за кругом, душа человека движется по восходящей и в конечном итоге достигает Нирваны. В этом отношении Новый год – это поворот спирали, приближающий человека к его высшей цели – познанию божественной Истины. Апельсины, мандарины и хризантемы, являющиеся частью мирового порядка, помогают душе очиститься и сохранить божественное начало в земном воплощении.

Попытка человека слиться с природой, с липами и грядками хризантем, преодолев материальный приземленный мир, представлена в стихотворении Д. Быкова «Голос из хора». Погло-

щенный творческим процессом, герой как бы сливается с местным пейзажем:

Долгий ряд словес,
Закругляющихся на
«Лес», «небес», «древес».
<...>
Липы, грядки хризантем,
Купол голубой —
Все не заняты ничем,
Кроме как собой
[Быков, 2024].

Человек, вторгающийся в пространство первозданного покоя, нарушает эту размеренность резким звуком электропилы:

У соседа здесь дела.
Трудится, бобер,
И жужжит его пила,
Как живой укор
[Быков, 2024].

Из-за резкого звука внутренняя динамика сменяется внешней, и герой обращается к приземленным образам материального мира. В его сознании всплывают картины физического труда, перестрелки, застолья и всего, что влечет человека, в котором сильно социальное начало. Герой, как и весь мир, разделяется на две части: «Слева – мученик, борец, / Будущий Кашей, / Справа – труженик, кузнец, / Делатель вещей. / И покуда я пою, / Неизбывный срам / Пилит голову мою / Ровно пополам» [Быков, 2024]. Амбивалентность обусловлена наличием в человеке двух начал. Первое материальное, в тексте оно реализуется за счет образов кузнеца, электропилы и т. д. Квадрат, возникающий в финале текста, символизирует ограниченность земного существования, физическую оболочку души (тело). Такой человек отличается приземленностью, он не способен выйти за рамки своей материальной сущности и подобен одному из лепестков хризантемы или «голосу из хора». Второе начало – духовное, природное, оно воплощено в стихотворении в образах хризантемы, купола, мученика, Кашея, который обретет бессмертие благодаря борьбе с земными соблазнами. Это начало внешне статично, поскольку призвано созерцать и заботиться о будущем, оно олицетворяет круг (цикл спирали). Такой человек подобен творцу и является условно «сердцем» хризантемы, откуда прорастают все лепестки. Герой, осознавая соб-

ственную двойственность, стремится к преодолению материальности за счет духовного развития и занятия творчеством:

А покуда я, жуир,
Трутень, ренегат, –
Тоже вписан в этот мир.
Словно круг в квадрат
[Быков, 2024].

В буддизме этот символ обозначает наличие божественного начала в человеке. Таким образом герой и творение (нить в Божьем гобелене), и творец (создатель художественного мира в пространстве текста) одновременно, он создан для гармонии и одновременно для ее нарушения, но, испытывая творческий катарсис, который выражен в простоте и непосредственности («ряд словес, / Закругляющихся на / «Лес», «небес», «древес», «Все мы что-нибудь поем, / Не вникая в суть, / А о смысле нам потом / Скажет кто-нибудь» [Быков, 2024]), он освобождается от суетности. На это указывает и цикличная композиция текста – «Липы, грядки хризантем». Сам образ хризантемы в тексте имеет амбивалентную семантику. Эксплицитное значение указывает на божественное начало и символ бессмертия, имплицитное – на жизнь во всех ее проявлениях: цепь хаотично сменяющихся образов и событий подобна пышному бутону хризантем, где лепестки фактически наслаиваются друг на друга.

Таким образом, хризантема в русской и китайской поэзии символизирует самодостаточность и божественную сущность природы, входящую к даосистской концепции мироздания. Образ хризантемы реализует идею нелинейности времени и отражает не только нравственную чистоту, но и бессмертие души. В китайской традиции цветок неразрывно связан с национальными праздниками, посвященными именно культуре природы – праздником Двойной девятки, праздником Середины осени и Китайским Новым годом.

Заключение

В первой части нашего исследования мы рассмотрели универсальные символические коннотации образа хризантемы, изоморфные для русской и китайской поэзии, которые не столько являются уникальными для той или иной национальной культуры, сколько воспроизводят традиционные архетипические символические смыслы, воплощенные и в других образах. «Бес-

помощно-нежные» хризантемы как компонент любовного поэтического дискурса символизируют хрупкость, нравственную чистоту, эфемерность, красоту, устойчивость к холоду забвения, гордость, беспристрастность, соотносясь с мотивами расставания и несчастной любви, в китайской лирике преимущественно аккомпанируя традиционным любовным лирическим сюжетам, воссоздающим отношения между мужчиной и женщиной, а в русской поэзии приобретая более широкие символические коннотации. Хризантемы в аспекте мортальной семантики, с одной стороны выступают как традиционный образный атрибут смерти и похорон, когда могила становится храмом из хризантем, а нежная хризантема безнадежно припадает головой к яркой гробовой крышке, но с другой – символизируют бессмертие и торжество вечной жизни, когда цветок хризантемы, прикасаясь к вместилищу мертвого тела, обеспечивает спасение души через память, поэзию и красоту. Золотой цветок хризантемы воплощает в себе «знойную радость», восторженное упоение живой жизнью, восхищение чудом бытия, воплощая в текстах русских поэтов яркость и полноту жизни, чувственность и страстность ее переживания на фоне ощущения скоротечности бытия, а у китайских поэтов являясь образным атрибутом традиционных национальных праздников и символом единства мироздания, гармонии в человеке и в природе, когда, например, в день праздника Чунъян лирический герой наслаждается горьким запахом хризантем. Как символ молодости и красоты, хризантема воплощает физическую силу, внешнее великолепие, ясность ума и интенсивность жизни во всех ее проявлениях. Наконец, в русской и китайской поэзии хризантема символизирует самодостаточность и божественную сущность природы, вечное стремление человека преодолеть дисгармонию суетного материального мира и погрузиться в блаженный мир природной идиллии. Отметим еще раз, что данный спектр символических значений не является уникальным именно для хризантемы, поскольку эти же смыслы могут воплощать в себе и другие поэтические образы природного мира.

Во второй части нашего исследования мы продолжим рассмотрение символического потенциала образа хризантемы в русской и китайской поэзии, акцентировав внимание на национально-специфических особенностях «хризантемного текста» в русской и китайской поэзии, детерминированных различными культурно-

историческими факторами, а также на различных вариантах индивидуально-авторской символики хризантемы в стихотворениях русских и китайских поэтов.

Библиографический список

1. Анненский И. Ф. Стихотворения. Санкт-Петербург : Советский писатель, 1939. 380 с.
2. Архипова Н. Г., Куроедова М. А. Образ цветка как фрагмент языковой картины мира (на материале русского и китайского языков) // Вестник АмГУ. 2021. № 92. С. 110–114.
3. Будянская Н. В. Особенности переводческого прочтения флористических образов А. М. Финкелем при воспроизведении темы красоты в «Сонетах» Шекспира // Филологические науки. 2018. № 12. С. 14–17.
4. Бунин И. А. Стихотворения. В 2 т. : Т. 1 / Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т. Двинягиной. Санкт-Петербург : Пушкинский дом, Вита Нова, 2014. 541 с.
5. Быков Д. Л. Голос из хора // Рус. URL: <https://rustih.ru/dmitrij-bykov-golos-iz-xora/> (дата обращения: 11.01.2024).
6. Говенько А. М. К вопросу о флористической символики в поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9 (27). С. 65–68.
7. Горький М. Собрание сочинений : В 16 т. Москва : Правда, 1979. Т. 12: [Жизнь Клим Самгина (Сорок лет): Ч. 2: Повесть / авт. примеч. И. И. Вайнберг и др.]. 1979. 670 с.
8. Желобов А. П. Поэзия И. А. Бунина как punctum saliens его мирозерцания и творчества // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2011. № 1. С. 76–87.
9. Иванова О. Ю. О «неслучайности» слова в поэтическом творчестве И. Ф. Анненского. URL: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=433 (дата обращения – 12.12.2023)
10. Изотова Н. Н. Символика хризантемы в японской лингвокультуре // Культура и искусство. 2017. № 10. С. 40–48.
11. Калининченко В. В. Синтез культурных традиций Запада и Востока в рассказе Д. Г. Лоуренса «Запах хризантем» // Уральский филологический вестник. 2012. № 4. С. 110–120.
12. Катаев В. Собрание сочинений в 9 т. Том 1. Рассказы и сказки. Москва : «Художественная литература», 1968. 574 с.
13. Корин Г. А. Повесть о моей Музе. Москва : Советская Россия, 1981. 208 с.
14. Левитанский Ю. Д. Каждый выбирает для себя. Москва : АСТ, 2023. 208 с.
15. Ли Цинчжао. Строфы из граненой яшмы / вступ. ст. и прим. М. Басманова; пер. с кит. Михаила Басманова. Москва : Худ. лит., 1974. 106 с.
16. Лиснянская И. Л. Шкатулка. Москва : Московские учебники, Русский мир, 2006. 530 с.

17. Лю Юйхуэй, Ян Хайюнь. Культурные коннотации жёлтого цвета в китайской культуре // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 6-1. С. 38–41.
18. Набоков В. Стихотворения. Новая библиотека поэта. Большая серия. Санкт-Петербург : Академический проект, 2002. 655 с.
19. Рубальская Л. А. На краю осени: стихи. Москва : Рипол-Классик, 2023. 352 с.
20. Сериков Е. А. Восприятие времени в китайской культуре // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2016. № 2. С. 50–61.
21. Странник В. Хризантемы октября // СтихиРу. URL: <https://stihi.ru/2023/10/03/3825> (дата обращения: 23.12.2023).
22. Тропкина Н. Е, Сурьянинова У. А. Художественная семантика флористических образов в лирике Б. Ахмадулиной: соотношение рационального и эмоционального // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». 2018. № 1. С. 78–81.
23. Тэффи, Н. А. Моя летопись. Воспоминания. Москва : Иллюминатор, 2023. 416 с.
24. Черепенина Н. Хризантемы как символ гибели и возрождения души // Слово и текст: теория и практика коммуникации: сборник научно- методически статей. Армавир : РИО АГПА, 2014. С. 99–102.
25. Ши Хан Флористические образы в русской и китайской поэзии первой трети XX века. Волгоград, 2012. 162 с.
26. Щербаков С. А. Флористические образы и мотивы в русской поэзии XX в. : монография. Москва : Издательство Московского государственного университета леса, 2010. 172 с.
27. Donnell M.A. Floral Imagery within Wartime Era Poetry: How Its Usage Transforms Memory and Remembrance. URL: [https://Floral Imagery within Wartime Era Poetry: How Its Usage Transforms Memory and Remembrance \(obu.edu\)](https://Floral Imagery within Wartime Era Poetry: How Its Usage Transforms Memory and Remembrance (obu.edu)).
28. 40句描写菊花的诗句// 寻古诗词网. URL: <https://www.xungushici.com/post/145> (дата обращения: 23.12.2023).
29. 周雪霏, 菊花的象征意义 [J], 语漫谈文, 2006.
30. 姚红霞.绽放在古诗词里的“黄花”——浅谈古诗词里菊花的意象[J].中学教学参考, 2011(04): 52–53
31. 张荣东.中国古代菊花文化研究.[D].南京 : 南京师范大学文学院, 2008
32. 张荣东.论屈原、陶渊明对菊花人格象征含义生成的贡献[J].阅江学刊, 2010, 2 (01): 138–142.
33. 彭镇华, 江守和.菊花——中华民族气节与高洁品德的象征[J].中国花卉园艺, 2001(21): 4–6
34. 菊花名句// 古诗文网. URL: <https://so.gushiwen.cn/mingjus/default.aspx?tstr=%E8%8F%8A%E8%8A%B1> (дата обращения: 10.01.2024).
35. 黄光.论菊花在传统文化中的象征意义[J].农业考古,2014(01): 280–284

Reference list

1. Annenskij I. F. Stihotvorenija = Poems. Sankt-Peterburg : Sovetskij pisatel', 1939. 380 s.
2. Arhipova N. G., Kuroedova M. A. Obraz cvetka kak fragment jazykovej kartiny mira (na materiale russkogo i kitajskogo jazykov) = The flower image as a fragment of the linguistic view of the world (based on the Russian and Chinese languages) // Vestnik AmGU. 2021. № 92. S. 110–114.
3. Budjanskaja N. V. Osobennosti perevodcheskogo prochenija floristicheskikh obrazov A. M. Finkleem privozvedenii temy krasoty v «Sonetah» Shekspira = Specific features of A. M. Finkel's translation of floral images when representing the theme of beauty in Shakespeare's «Sonnets» // Filologicheskie nauki. 2018. № 12. S. 14–17.
4. Bunin I. A. Stihotvorenija = Poems. V 2 t. : T. 1 / Vstup. stat'ja, sost., podg. teksta, primech. T. Dvinjatinov. Sankt-Peterburg : Pushkinskij dom, Vita Nova, 2014. 541 s.
5. Bykov D. L. Golos iz hora // RuS. URL: <https://rustih.ru/dmitrij-bykov-golos-iz-xora/> (data obrashhenija: 11.01.2024).
6. Goven'ko A. M. K voprosu o floristicheskoy simvoliki v poezii = On the question of floral symbolism in poetry // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 9 (27). S. 65–68.
7. Gor'kij M. Sobranie sochinenij = Collected works : V 16 t. Moskva : Pravda, 1979. T. 12: [Zhizn' Klima Samgina (Sorok let): Ch. 2: Povest' / avt. primech. I. I. Vajnberg i dr.]. 1979. 670 s.
8. Zhelobov A. P. Pojezija I. A. Bunina kak punctum saliens ego mirosozercanija i tvorcestva = I. A. Bunin's poetry as punctum saliens of his worldview and creative work // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. 2011. № 1. S. 76–87.
9. Ivanova O. Ju. O «nesluchajnosti» slova v pojeticheskom tvorcestve I. F. Annenskogo. = On the «non-randomness» of the word in I. F. Annensky's poetry. URL: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=433 (data obrashhenija: 12.12.2023)
10. Izotova N. N. Simvolika hrizantemy v japonskoj lingvokul'ture = The symbol of chrysanthemum in Japanese linguistic culture // Kul'tura i iskusstvo. 2017. № 10. S. 40–48.
11. Kalinichenko V. V. Sintez kul'turnyh tradicij Zapada i Vostoka v rasskaze D. G. Lourensa «Zapah hrizantem» = Synthesis of Western and Eastern cultural traditions in D. G. Lawrence's short story The Scent of Chrysanthemums // Ural'skij filologicheskij vestnik. 2012. № 4. S. 110–120.
12. Kataev V. Sobranie sochinenij = Collected works : v 9 t. Tom 1. Rasskazy i skazki. Moskva : «Hudozhestvennaja literatura», 1968. 574 s.
13. Korin G. A. Povest' o moej Muze = The Tale of my Muse. Moskva : Sovetskaja Rossiya, 1981. 208 s.

14. Levitanskij Ju. D. Kazhdyj vybiraet dlja sebja = Everyone chooses for himself. Moskva : AST, 2023. 208 c.
15. Li Cinzhao. Strofy iz granenoi jashmy = Strophes of faceted jasper / vstup. st. i prim. M. Basmanova; per. s kit. Mihaila Basmanova. Moskva : Hud. lit., 1974. 106 s.
16. Lisnjanskaja I. L. Shkatulka = The Casket. Moskva : Moskovskie uchebniki, Russkij mir, 2006. 530 c.
17. Lju Jujhujej, Jan Hajjun'. Kul'turnye konnotacii zhjoltogo cveta v kitajskoj kul'ture = Cultural connotations of the yellow color in Chinese culture // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2020. № 6-1. S. 38–41.
18. Nabokov V. Stihotvorenija. Novaja biblioteka pojeta. Bol'shaja serija = Poems. The poet's new library. Big series. Sankt-Peterburg : Akademicheskij proekt, 2002. 655 s.
19. Rubal'skaja L. A. Na kraju oseni: stihy = At the edge of autumn: poems. Moskva : Ripol-Klassik, 2023. 352 c.
20. Serikov E. A. Vosprijatie vremeni v kitajskoj kul'ture = Time perception in Chinese culture. // Vestnik Samarskoj gumanitarnej akademii. 2016. № 2. S. 50–61.
21. Strannik V. Hrizantemy oktjabrja = Autumn Chrysanthemums // Stihiru. URL: <https://stihiru.ru/2023/10/03/3825> (data obrashhenija: 23.12.2023).
22. Tropkina N. E, Sur'janinova U. A. Hudozhestvennaja semantika floristicheskikh obrazov v lirike B. Ahmadulinoj: sootnoshenie racional'nogo i jemocional'nogo = Artistic semantics of floral images in B. Akhmadulina's poetry: the correlation between the rational and the emotional // Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal VGSPU «Grani poznanija». 2018. № 1. S. 78–81.
23. Tjeffi, N. A. Moja letopis'. Vospominanija = My chronicles. Memories. Moskva : Illjuminator, 2023. 416 c.
24. Cherepenina N. Hrizantemy kak simvol gibeli i vozrozhdenija dushi = Chrysanthemums as a symbol of death and revival of the soul // Slovo i tekst: teorija i praktika kommunikacii: sbornik nauchno- metodicheski statej. Armavir : RIO AGPA, 2014. S. 99–102.
25. Shi Han Floristicheskie obrazy v russkoj i kitajskoj poezii pervoj treti XX veka = Floral images in Russian and Chinese poetry of the first third of XX century. Volgograd, 2012. 162 s.
26. Shherbakov S. A. Floristicheskie obrazy i motivy v russkoj poezii XX v. = Floral images and motives in Russian poetry of XX century : monografija. Moskva : Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta lesa, 2010. 172 s.
27. Donnell M.A. Floral Imagery within Wartime Era Poetry: How Its Usage Transforms Memory and Remembrance. URL: <https://floralimagerywithinwartimeera.com/>
28. 40句描写菊花的诗句// 寻古诗词网. URL: <https://www.xungushici.com/post/145> (data obrashhenija: 23.12.2023).
29. 周雪霏, 菊花的象征意义 [J], 语漫谈文, 2006.
30. 姚红霞. 绽放在古诗词里的“黄花”——浅谈古诗词里菊花的意象 [J]. 中学教学参考, 2011(04): 52–53
31. 张荣东. 中国古代菊花文化研究. [D]. 南京 : 南京师范大学文学院, 2008
32. 张荣东. 论屈原、陶渊明对菊花人格象征含义生成的贡献 [J]. 阅江学刊, 2010, 2 (01): 138–142.
33. 彭镇华, 江守和. 菊花——中华民族气节与高洁品德的象征 [J]. 中国花卉园艺, 2001(21): 4–6
34. 菊花名句// 古诗文网. URL: <https://so.gushiwen.cn/mingjus/default.aspx?tstr=%E8%8F%8A%E8%8A%B1> (data obrashhenija: 10.01.2024).
35. 黄光. 论菊花在传统文化中的象征意义 [J]. 农业考古, 2014(01): 280–284

Статья поступила в редакцию 11.12.2023; одобрена после рецензирования 15.01.2024; принята к публикации 02.02.2024.

The article was submitted on 11.12.2023; approved after reviewing 15.01.2024; accepted for publication on 02.02.2024.